

Новые звуки

Ему много дано!..

Он родился, рос в пышном замке, окруженном великолепными садами. Он княжеский сын, богат, молод, силен, красив. Кроме всех этих благ, он одарен необыкновенным талантом: он скрипач. Еще в ранней молодости, едва держа крошечной ручкой смычок, он исторгал из скрипки дивные звуки. Родители, души в нем не чая, окружили его чрезвычайной заботливостью. Он рос, как нежный цветок в теплице: ни бури, ни грозы, ни ненастья.

Наконец-то!

Он вырос. Он знаменит. Какое счастье! Он -- гордость всего своего княжеского рода. Вельможи в восторге от его игры. Знатные дамы наперерыв стараются овладеть его вниманием. Тщетно: он горд, недоступен и беспечен. Но вот в душу его вкралась любовь. Как нежный напиток, она согревала, веселила и опьяняла. Долго молча любовался он красавицей. Наконец, не вытерпел. Признался и... был отвергнут. Кем отвергнут? Бедной девушкой, цветочницей, которая случайно заходила в замок.

Юноша на все ласки, на все уверенья, что безгранично любит ее, получал один и тот же ответ:

-- Обманешь!

-- Что это значит?!

-- Ты не понимаешь, что значит обман?

-- Нет!

Девушка недоверчиво качала головой. Он действительно не понимал.

Рожденный в богатстве, он с пеленок ни в ком и ни в чем не нуждался.

Его никогда не стесняли, не запугивали. Ему не приходилось быть в таком состоянии, когда возможен обман. Ему было чуждо это чувство, было чуждо и название этого чувства.

Наконец, чтоб покорить сердце молодой красавицы, он схватил свою скрипку.

Он заранее торжествовал победу: его игра не раз приводила в восторг избраннейшую публику. Он заиграл. Льются прелестные звуки! Мягкие, словно теплые воздушные волны, они нежат, голубят, умиротворяют. Он кончил. Девушка молчала. Он был поражен. Он ожидал восторга, радости. А тут... гробовое молчание. Он недоумевал.

-- Что же, не нравится тебе?

-- А тебе нравится?

-- Ни перед кем еще не играл я с таким увлечением, как перед тобой,-- с жаром произнес юноша.

-- И слушатели всегда восхищались? -- насмешливо спросила девушка.

-- Да!

-- А знаешь почему!

-- Почему?

-- Потому что ты и твои слушатели сытые, довольные.

-- Какие же тебе звуки нужны?

-- Какие?.. Слезы, стоны, презрение, ненависть, проклятье!

Он снова начал играть, стараясь все это выразить звуками.

Ничего не выходило: он не знал ни слез, ни стонов, ни презрения, ни проклятия.

Девушка меж тем убежала. Юноша испытывал нечто совсем ему незнакомое, чему и названья не знал. Это была тоска, безысходная, сосущая тоска. Ему разом опротивело все. Он вышел из замка и пошел бесцельно бродить. Долго молча он ходил. Грусть все более им овладевала. Из глубины души у него вырвался звук. Он инстинктивно понял, что его называют "стоном". Наступила ночь. Юноша все шел да шел и незаметно для себя очутился в городе. Он часто раньше бывал в городе, но ему показалось, что он впервые сюда попал. Мальчиком он ездил по нем кататься в сопровождении старших: отца, матери. Взрослым он являлся с особенной целью: изучать древности города. Он прекрасно знал развалины старого города, но совершенно не был знаком с теперешним. Масса движущихся людей, шум, гам, крики, все это поражало его своей новизной. Больше же всего его удивляли женщины. То и дело они приставали к нему, настойчиво зовя к себе. Наконец одна старая, некрасивая прямо взяла его под руку и увлекла за собой. Юноше захотелось узнать, чем это кончится, и он не сопротивлялся.

-- Они нам не помешают,-- сказала женщина.

Она стала раздеваться, приглашая то же самое сделать и его. Он был ошеломлен. Стены замка долго не давали действительной жизни коснуться до него. Теперь же эта жизнь, словно бурный поток, ворвалась... Эти жалкие дети, эта женщина -- все это вместе словно обухом по голове ударило его. Он в изнеможении опустился на единственный стул в комнате.

-- И я была молода,-- меж тем говорила женщина,-- такой же красавчик, как ты, полюбил, обольстил... Вот дети... бросил.

Он вдруг почувствовал, что мог бы задушить собственными руками обольстителя. В нем что-то кипело, он понял, что это именно и есть презрение, ненависть, проклятье. Невольно вспомнилась ему красавица девушка. "Сколько,-- думал юноша,-- несчастная выстрадала, когда спокойные звуки ей противны!" В этот миг ему самому были чужды эти звуки.

В это время раздались голоса в соседней комнате. Две женщины спорили.

Одна старческим голосом твердила: "Ты не права. Быть может, он любит, не обманет".-- "Нет,-- закричал кто-то в ответ,-- всех ненавижу, презираю: надругаются, а потом бросят, будь они прокляты!"

-- Чей это голос, чей? -- вырвалось у юноши.

-- Это дочь хозяйки, цветочница, она...

Он уже не слушал, сильным движением руки толкнул он дверь; она раскрылась. Посреди комнаты, с распущенными волосами, словно виденье, стояла любимая им девушка. Их взгляды встретились. Раздался нечеловеческий крик. Девушка, как подкошенная, пала замертво. Юношей в первый раз в жизни овладело отчаяние, и он зарыдал. Вот он, бледный, измученный...

Толпа говорлива, шумлива. Лишь только взовьется его смычок -- смолкло все. Затаили дыхание. Льются новые звуки...

В них столько кротости, покорности, мольбы, сколько в восторженной молитве. Кажется, кто-то коленопреклоненный, забыв весь мир, призывает неземные силы услышать, помочь... А вот и слезы... Чудится, кто-то жалобно-жалобно плачет, словно стонет... умирает... Умер!.. Замер и аккорд. Толпа очнулась. Крик, рукоплесканья... Ряд новых звуков заглушает и этот шум и эти рукоплесканья. Это уже не мягкие, спокойные звуки, это скорее крик наболевшей души. В этом крике слышатся и презрение, и ненависть, и проклятье!

Эти звуки не усыпляют, а будят душу, на борьбу вызывают...

Ему дались эти новые звуки потому, что сам он много выстрадал, много перечувствовал.